

В.В. Петроченков
«Умирает великий поэт...»

Поэт милостью Божьей Валерий Петроченков умеет увидеть петербургское небо даже в Вашингтоне, где он живёт последние тридцать лет. И если, попав в эмиграцию, небезызвестный прозаик Сергей Довлатов или поэт и коллекционер Михаил Юпп быстро стали русскими американцами, то столь значительное перемещение в пространстве ничего не изменило в философии и мироощущении поэта, прозаика и литературоведа Валерия Петроченкова. И в Петербурге, и в Пскове, и в США он продолжает оставаться русским европейцем тургеневского типа. Неслучайно среди героев петроченковского стихотворения «Рождество в Баден-Бадене» появляется колоритная фигура седого русского классика и его музы – французской певицы Полины Виардо.

Ощутимо звучит в стихах Петроченкова мотив «верности избранным камням», – очевидно, древним камням Европы, о которых с восторгом писал ещё один знаменитый петербуржец – Фёдор Михайлович Достоевский. Петербуржец до мозга костей, Валерий Васильевич всем другим приёмам составления поэтического избранного явно предпочитает проверенный временем и историей поэзии ахматовский принцип – циклического возвращения к пережитому: на знаменитый сборник «Из шести книг» Анны Андреев-

---

¹ **Петроченков Валерий Васильевич** 1940 г. рождения, окончил в 1967 г. факультет журналистики Ленинградского университета. Эмигрировал в 1974 г. в США. Доктор философии, профессор Джорджтаунского университета. Автор нескольких книг стихов. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», «Искусство Ленинграда» и др. Живёт в Вашингтоне.

Валерий ПЕТРОЧЕНКОВ

ЭКСЛИБРИС

Стихи из семи книг

ны, увидевший свет 70 лет назад в 1940 году, он ответил поэтическим сборником «Экслибрис» с подзаголовком – «Из семи книг».

Не для каждого жизнь и творчество начинается с осени. Но недаром осень была любимым временем года великого петербуржца Александра Пушкина. А также для нашего современника – колумбийца Г.Г. Маркеса, в «Осени патриарха» запечатлевшего политическую и нравственную драму своей родины. Валерий Петроченков постоянно ощущает себя в координатах мировой культуры и Большого Исторического Времени: то, что произошло с миром и Россией в конце XIX–XX столетиях он определяет как «Осень века».

В заглавия многих стихотворений поэт выносит знаковые для отечественного интеллигента XX века имена – Брейгель, Офелия, Жанна д'Арк, Карл Росси и – конечно же! – «Санкт Питербурхъ». Не забывает поэт и окликнуть в стихах две наиболее близкие ему европейские культуры – польскую (стихотворение «Осень в Польше») и итальянскую («стихотворение «Италия»).

Автор сознательно не ставит даты под стихами: стихотворение живёт собственной жизнью в европейском культурном поле, перекликаясь со всем происходящим как в истории, так и в дне сегодняшнем.

Поэт нередко создаёт в стихах своеобразные дуэты лирического героя с покинутыми им, но живущими в памяти европейскими городами (Петербургом, Парижем, Римом, Москвой) и конкретными знаковыми местами, хранящими память о правителях (молодом Петре I, императрице Екатерине II и её фаворитах, убиенном Павле I) и творцах (протопопе Аввакуме, Гоголе, Чехове, Брейгеле, Руссо, Пиросмани, Нестерове, Карло Растрелли, Михаиле Шемякине), чьи произведения прихотливо рифмуются друг с другом, легко преодолевая временные и пространственные преграды.

Уже в заглавии одной из поэтических книг поэта – «Экслибрис» – подчёркнута осознанная ориентация Петроченкова на

книжное знание, библиотечные тома, созданные в разные эпохи классиками, гигантами духа, на плечах которых стоит мировая культура. Взгляд поэта устремлён сквозь толщу веков: в марте 1801 года² ищет он отгадку нынешнего политического нестроения в России: в стихах Валерия Петровича появляется мощный образ «безвременья тугого колеса».

Часто обращается поэт в стихах к святым для каждого русского человека местам – Саров, Радонеж, Екатеринбург, Изборск, Васильевский остров... В символическую полынью времени (не о ней ли писала Цветаева: «О сколько их упало в эту бездну?») проваливаются дорогие автору люди. Силой воображения и энергией таланта он стремится сохранить их живыми в своих стихах. Уже по названиям стихотворений понятно: святые старцы и великие поэты составляют для Валерия Петровича соль нации.

От питерских акмеистов унаследовал Валерий Петрович редкое умение органично вживлять в текст бытовую деталь («Когда по утрам поедаю Кириллову кашу...»).

Вынесенное в заглавие поэтом слово «Окоём» свидетельствует: для автора важно возвращать в современный русский язык старинные русские словечки, столь бережно собиравшиеся Владимиром Далем. Валерий Петрович явно склонен и к созданию собственных неологизмов, подчеркивая этим глубинную связь своей поэзии с живой стихией современного русского языка – легко и органично входят в поэтическую ткань придуманные им «дуракавалянье», «отторопившись», «залжепророчиться», «белоночь».

Особый привкус элегантно старомодности придают стихам Валерия Петровича изредка включаемые автором в текст устаревшие словечки типа «зеницы», «тать», «радение», «ни зги», «невидадь», «морок», «блажь», «стряпуха». Не сторонится Валерий Васильевич и просторечья, демонстрируя, как чутко языковая стихия реагирует на социальное торжество того, кого сто лет назад философствующий петербуржец Дмитрий Сергеевич Мережковский пророчески назвал «грядущим хамом» («пялит», «взашей», «приблудную», «поедом», «опостылевши», «ейный», «ухажёр», «лабуда», «лапша на уши»).

Свободно соединяя в своих стихах различные языковые пласты, поэт умеет добиться изысканной звукописи, обилия внутренних рифм и созвучий, когда один и тот же слог легко проходит через несколько строк, придавая им особую музыкальность.

---

² Дата убийства Павла I. (Прим. авт.).

Герои многих стихов Петровиченкова – подлинные рыцари духа, отважные борцы, не боявшиеся бросать вызов власти и шагнувшие в историю мировой культуры, несмотря на анафемы и тюрьмы, обрушиваемые на них сильными мира сего – это соловецкие монахи («Соловецкое сидение»), Лев Толстой («Дневники Толстого»), Варлам Шаламов («Памяти Варлама Шаламова»).

Поэт любит ненавязчиво возвращать читателей к истокам восточнославянской поэзии – к силлабике Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева.

Органично чувствует себя лирический герой поэзии Валерия Петровиченкова в рамках христианской системы координат. Среди героев его стихов постоянно упоминаются Господь, Божий Глас, Святая Дева, Ветхий Адам, апостол Иоанн... В своём поколении Валерий Васильевич – один из немногих воцерковлённых интеллигентов советской эпохи. Он не только некоторое время жил в знаменитом Псково-Печёрском монастыре (как и его петербургские друзья – художник Михаил Шемякин и поэт Михаил Юпп), но и был секретарём настоятеля – легендарного отца Алипия.

И всё же ключевые понятия его поэтической вселенной – Книга и Град. Недаром усердный виршеписец Симеон Полоцкий был убеждён, что «Мир есть книга». Словно развивая эту мысль, Валерий Петровиченков пишет: «Деревья стоят, как церемонные ветхие вирши, // шевеля силлабическими губами».

Учёные считают иеромонаха Симеона Полоцкого первым настоящим поэтом-урбанистом среди восточнославянских стихотворцев Нового времени. Противоречивая стихия современного русского города, судя по стихам из цикла «Вирши», волнует и Валерия Петровиченкова.

«Поступь» – своеобразный образ-символ передвижения лирического героя внутри конкретного времени и пространства: каждый город в сознании автора связан с тем или иным «гением места» – остров Тилман, Юсуповский сад, Петербург, Александрия, Псков, Кёнигсберг. Михаилу Шемякину, чьё детство прошло в послевоенном Кёнигсберге, недаром посвящено стихотворение «Кёнигсград». Для художника, как и для поэта, этот древний город, недавно отпраздновавший тысячелетний юбилей, наполнен тенями великих – Канта, прусского короля Фридриха, Гофмана...

Другой центральный образ поэтической вселенной Петровиченкова – образ Сада, небесного и земного вертоградов: цикл «Сады», стихотворение «Вам этот сад напомнит не Эдем...». Как известно, ещё один великий петербуржец – академик Дмитрий Сергеевич

Лихачёв – посвятил поэтике сада в европейской культуре целую монографию. «Вертоград многоцветный» – название энциклопедического сборника виршей Симеона Полоцкого (1629–1680), первой философско-культурологической энциклопедии в стихах в истории восточнославянской литературы. А лучшее в мировой медиевистике исследование «Вертограда» принадлежит перу петербургского профессора Игоря Петровича Ерёмкина, о котором с благодарностью и восхищением пишет памятный бывший студент университета Петроченков в стихотворении «Петербургский университет».

Сад в восприятии Валерия Петроченкова – это благородное единство культурного и природного начал. Причём природа изначально умнее человека, ибо, как афористично заметил поэт: «природа – единственный гений, // сумевший бессмертье сбечечь».

В петроченковских стихах внимательный читатель обнаружит оригинальный бестиарий. Здесь нередко звучит «птичий гомон» («грай ворон», возникают образы лебедей, совы, «гусей крутобокие бусы», глухаря, кулика, «золотых журавлей», коршуна, курицы, попки-попугая). Для автора книги «Экслибрис» птицы напрямую ассоциируются с духом леса, его сокровенными тайнами: «то не птицы летят, отлетает лесная душа».

Образ птицы в европейской культуре устойчиво связан с образом поэта. Ещё в сказке «Соловей» Андерсена живой соловей стал символом целебной силы подлинного искусства, в одной из басен И.А. Крылов изобразил А.С. Пушкина в виде соловья, посаженного в клетку, птицы – постоянные герои стихов петербуржцев-обериутов Даниила Хармса и Александра Введенского. Не поэтому даже их любимый петербургский журнал получил название «ЧИЖ»?

Да, большая часть пернатых, четвероногих и чешуйчатых героев стихов Валерия Петроченкова имеет близких родственников в отечественной и мировой литературе. Так, лошади, встречающиеся в созданном им поэтическом пространстве Петроченкова, – явно сродни гоголевской тройке, что несётся по Руси в финале поэмы «Мёртвые души». Карась из другого стихотворения – почти наверняка идеалист из одноименной сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина. Главная героиня программного для автора стихотворения «Ворона» – родная сестра знаменитого древнего ворона, воспетого Эдгаром По, и отечественной простодушной вороны из знакомой с детства басни И.А. Крылова «Ворона и лисица».

Особенно склонен Валерий Петроченков к циклам фило-софской лирики: знающий цену различным возрастам и эпохам человеческого бытия в этом мире автор размышляет о жизни и смерти, о Рае и Аиде, о том, что оставляет каждый из нас после себя на земле, возможно ли противостоять вселенской энтропии, превращающей всё живое в тлен: «Где прошёл человек – остается невидимый прочерк: // не имён, не примет, не поступков, не взглядов, не лиц...»

И лишь невидимая мета любви и таланта, по мнению поэта, в силах помочь каждому из нас задержаться на этом свете:

Промелькнёт силуэт у заученных слов на примете.
Вздрагнет чьё-то плечо под ласкающей нежно рукой.
Вот и вся недолга, и иного не сыщешь на свете,
где разлит без границ усыпляющий вечный покой.

...Ещё один великий петербуржец – находившийся тогда, подобно автору этой книги в эмиграции – художник Иван Яковлевич Билибин писал в 1922 году из Каира: в литературе есть всего «два течения – возвышающее и растлевающее душу». Поэзия Валерия Петроченкова души читателей возвышает и просветляет.

Москва